

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1895**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1895: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 722 с.

ISBN 978-5-458-40720-5

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1895. Выпуски 9-12 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-40720-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

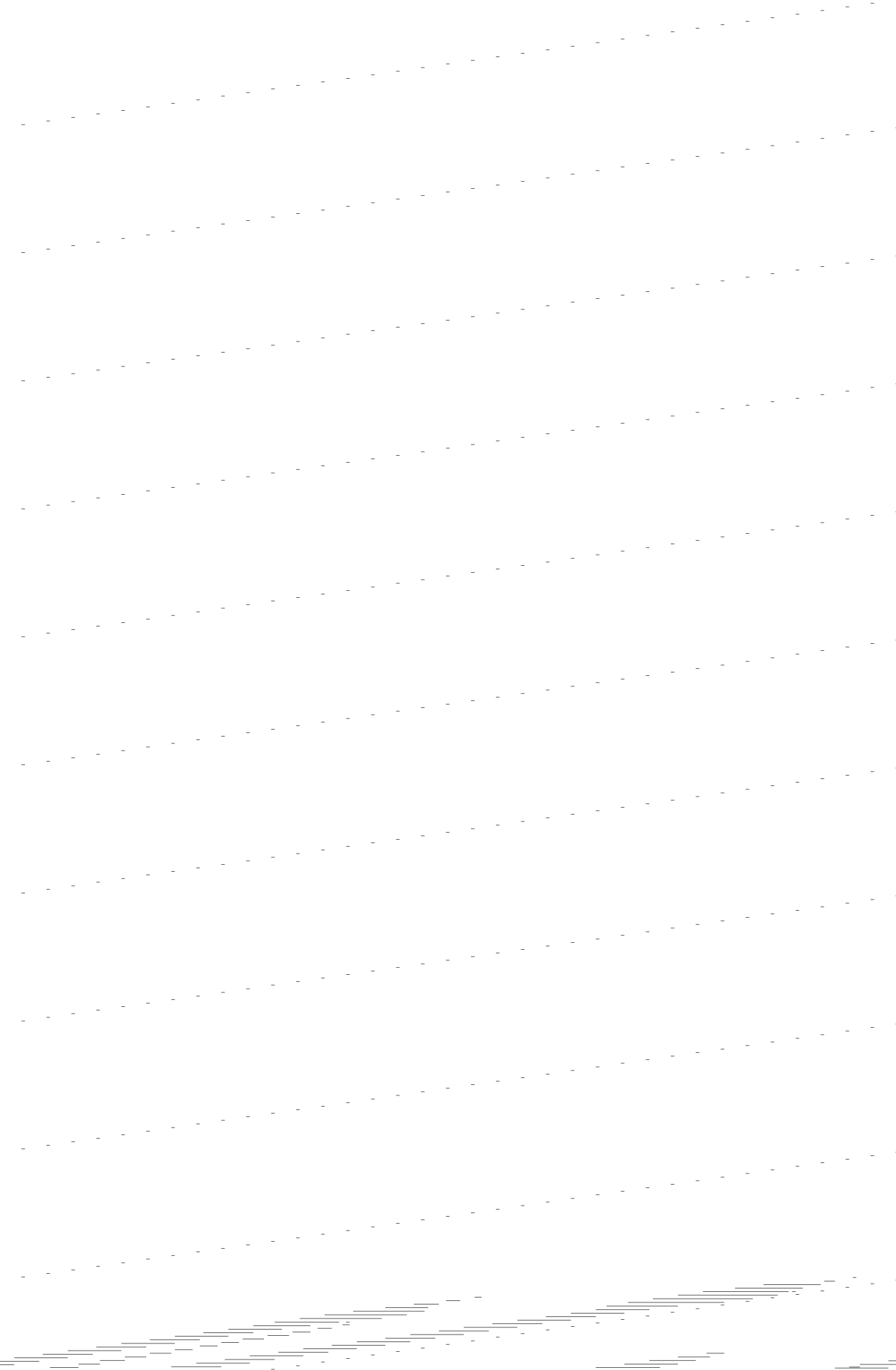
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОЊЗДКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ВЪ ЭСТЛЯНДСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

1746.

Царь жила была дѣвица,
Шеичеть Русска старина...

Въ старинной книжкѣ нѣкоего Эце (Jetze): *Statistische, politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief-und Russland*, вышедшей въ Лигницѣ въ 1788 (малая 8-ка, 104 стр.), находится разсказъ о поѣздкѣ императрицы Елисаветы Петровны въ Ревель и въ Эстляндскую губернію, написанный очевидцемъ и потому довольно цѣнный. Францъ Христофъ Эце, человекъ положительный, былъ профессоромъ математики и физики въ Лигницкой дворянской академіи. Онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ кофиншекомъ императрицы Елисаветы Петровны Сиверсомъ и могъ знать про многое; онъ чуждъ зложелательства, которымъ заразились Нѣмцы по низверженіи Бирона и Анны Леопольдовны. Скучность нашихъ свѣдѣній о третьей самодержицѣ XVIII вѣка нѣсколько пополняется разсказомъ профессора Эце.

Поѣздка въ Ревель предпринята была въ исходѣ пятого года по воцареніи Елисаветы Петровны, когда она пользовалась еще отличнымъ здоровьемъ и въ дѣлахъ правленія проявляла тѣ свойства, за которыя такъ ее любили и въ послѣдствіи звали даже *мудрою*. Относительно Швеціи, у которой Петръ Великій въ 1711 году отвоевалъ этотъ чудесный берегъ Финскаго залива и Балтійскаго моря, Россія могла быть въ то время покойна: на тамошнемъ престолѣ сидѣлъ ставленникъ нашъ, бывший опекунъ великаго князя Петра Федоровича, родной дядя его супруги Екатерины Алексѣевны, Адольфъ Фридрихъ, и хотя его женили на сестрѣ Фридриха II-го, но онъ находился въ зависимости отъ Россіи. Не то было относительно Пруссіи. Ея захватчивый король уже

проявлялъ жажду земельныхъ пріобрѣтеній, и въ Прибалтійскомъ краю много набралось не только поклонниковъ его ума и правительственной мудрости, но и опасныхъ для насъ его приверженцевъ. Про эту опасность хорошо зналъ тогдашній главный дѣятель нашего правительства, зоркій и дѣятельный государственный канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, самъ женатый на Нѣмкѣ и черезъ то запасшійся соглядатаями въ сѣверной Германіи, близко ему знакомой. Именно къ 1746 году относится состоявшійся по мысли графа Бестужева союзъ нашъ съ Австріей, и заключенный въ Ревелѣ трактатъ съ пріѣхавшимъ туда изъ Вѣны посломъ Маріи Терезіи, барономъ Претлахомъ, легъ въ основу нашей политики на цѣлыхъ 16 лѣтъ сряду. Лично Елисаветѣ Петровнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на пріобрѣтенія отца своего, ближе узнать новыхъ подданныхъ Россіи, посмотрѣть на обычаи и порядки, столь отличные отъ остальныхъ Русскихъ губерній. Женщина была она умная и живая, свято хранившая завѣты отца своего, который такъ любилъ этотъ край, что подъ Ревелемъ построилъ себѣ сначала малый, потомъ (1718) другой богатый по тому времени дворецъ и насадилъ вокругъ нихъ, на самомъ берегу моря, въ живописной мѣстности, прекрасную рощу почти на ста десятинахъ, которая и до сихъ поръ служитъ отрадою Ревелю и его лѣтнимъ посѣгителямъ. Еще въ дѣтствѣ Елисавета слышала о Ревелѣ и Ека-теринталѣ, а потомъ и жила тамъ со своими родителями.

Мѣстные Нѣмцы понимали, какъ важно было для нихъ заручиться благорасположеніемъ новой Государыни, которой воцареніе было торжествомъ Русскихъ людей надъ иноземцами. Такъ какъ графа Бестужева провести было нелегко, то дворянство тамошнее, для сохраненія своихъ привилегій, весьма растяжимыхъ и столь же удобно сжимаемыхъ *твердою* Русскою властію, постарались какъ можно лучше подѣйствовать на самоѣ Государыню, зная, что она подъ часъ тяготилась опекою своего великаго канцлера. Пріемъ Елисаветѣ Петровнѣ устроенъ былъ блестящій. Приготовленія не были особенно затруднительны, такъ какъ Государыня любила ѣздить по-русски, съ прохвалою, и на каждой станиціи либо кушала, либо по долгу почивала.

Молодой въ то время Эце увидалъ Елисавету Петровну верстъ за сто отъ Ревеля по Нарвской дорогѣ, въ Пюдрусь, гдѣ приготовленъ былъ для нея обѣденный столъ. Пюдрусь уподобился лагерю: такое множество было тамъ экипажей, царскихъ поваровъ, пекарей и народу всякаго званія. Дворянство поставило 80 лошадей, 10 бочекъ пива, двѣ бочки водки, и по особой запискѣ муки, яицъ, куръ, масла, быковъ,

барановъ и пр. Государыня съ великимъ княземъ и его супругою прибыла въ Пѣдрусъ въ полдень. Никакой стражи не замѣчалось, и всѣмъ вольно было подходить ближе: она сама такъ приказала. Еще восхищенъ ея красотою и благовоительностью. Ее высадилъ изъ экипажа оберъ-гофмаршалъ Шепелевъ; она было оступилась, но тотчасъ оправилась и бодро пошла къ почтовому дому, у дверей котораго ее встрѣтилъ православный священникъ. Она поцѣловала ему руку и приняла отъ него благословеніе, а за тѣмъ и великокняжеская чета. Пробывъ нѣсколько минутъ въ почтовой комнатѣ, Елисавета Петровна вышла погулять на разстилавшемся передъ домою зеленомъ лугу, веселая и безъ всякой принужденности. Погода стояла прекрасная, какая бываесть въ этомъ краю въ Юль мѣсяцѣ, когда близостью моря умѣряемая жара гонитъ изъ земли чудную изумрудную зелень. Государыня, въ легкомъ платьѣ, поговорила что-то съ графомъ Разумовскимъ (тогда уже ея тайнымъ супругомъ), и онъ повелъ ее подъ руку на близъ лежавшее возвышеніе. Еще очутился въ десяти шагахъ отъ державной красавицы. Вѣтеръ взвѣвалъ ея шелковую черную юбку, такъ что виднѣлась сорочка тончайшаго полотна. Не уставай, сказала она по-русски графу Разумовскому, и тотчасъ очутилась вмѣстѣ съ нимъ на холму, окруженная толпою зрителей обоего пола. Остальной нарядъ ея состоялъ изъ какого-то бѣлаго салопы съ рукавами и прекраснаго головнаго убора, все по тогдашней модѣ. Великая княгиня долго не показывалась. Въ своихъ Запискахъ, писанныхъ слишкомъ сорокъ лѣтъ поздиѣ, она съ неудовольствіемъ рассказываетъ объ этомъ Ревельскомъ путешествіи, въ теченіи котораго ей приходилось оставаться въ четырехмѣстной коляскѣ (въ ней ѣхали она съ мужемъ, ея дядя, несносный принцъ Августъ, и гофмейстерина Чоглокова) и спать отъ нечего дѣлать; на почтовыхъ дворахъ ей негдѣ было расположиться, и однажды она должна была одѣваться въ кухнѣ подлѣ печки, гдѣ пеклись хлѣбы; почтовые дома были слишкомъ малы, и великій князь съ супругою располагались въ приспѣшныхъ, либо въ палаткахъ на болотистой почвѣ. Безпорядокъ былъ страшный, такъ какъ не знали впередъ, гдѣ Государыня будетъ отдыхать и кушать. Екатерина страдала тогда грудью и въ Ревелѣ стала харкать кровью, отъ чего ей пускали кровь изъ руки, и немудрено, что это путешествіе оставило ей непріятныя воспоминанія. Не таково было ея пребываніе въ Ревелѣ въ 1764 году, когда она была уже царицею. Про Петра Ѳеодоровича Эце рассказываетъ, что онъ обращалъ на себя общее вниманіе въ Пѣдрусѣ. Средняго роста, съ продолговатымъ, рябоватымъ, но свѣжимъ лицомъ, онъ затѣялъ тутъ же, у почтоваго двора, съ камеръ-юнкеромъ императрицы, барономъ Сиверсомъ, Русскую игру рублемъ. Воткнули палку въ землю, и

рубль доставался тому, кто ближе къ палкѣ добросить его. Въ игрѣ участвовалъ еще кто-то, и про него говорили, что онъ тайный соперникъ (*heimlicher Antagonist*) великаго князя ¹⁾. Сиверсъ попадалъ все дальше палки, великій князь тоже перебрасывалъ, и три раза сряду рубли доставались третьему игроку. Онъ хотѣлъ продолжать игру, такъ какъ по правиламъ игры первымъ бросаетъ тотъ, кто выигралъ; но великій князь, сказавъ: «Довольно, ты уже взялъ съ меня на водку три рубля», задумался и отошелъ одинъ въ сторону. За тѣмъ, Ея Величество, по Русскому обычаю, приказала поднести каждому изъ приглашенныхъ къ ея столу по чарочкѣ водки, и начался обѣдъ. Тѣмъ времени Эце осматривалъ царскую поклажу и другія диковинки. Въ каретѣ царицы лежала какая-то книга. Онъ любопытствовалъ, и кучеръ вѣжливо позволилъ ему взять книгу въ руки. Это было напечатанное въ Утрехтѣ въ осьмушку, съ хорошими гравюрами, сочиненіе: «Знаменитые Французы» (*Les illustres Français*).

Послѣ обѣда и кратковременнаго отдыха, царскій поѣздъ двинулся далѣе къ слѣдующей почтовой станціи Лоопу (*Loor*), помѣстью барона Тизенгаузена, который самолично встрѣчалъ Государыню, удостоился поцѣловать ей руку и кушалъ за кавалерскимъ столомъ. Въ Лоопѣ Императрица обласкала овдовѣвшую графиню Стенбогъ, поцѣловала ее, пригласила къ столу и общалась заѣхать къ ней въ близъ лежащее помѣстье ея. Она исполнила обѣщаніе, и оттуда направилась къ Ревелю.

Погода продолжала стоять прекрасная, и въ Четвергъ, во второмъ часу утра, Елисавета Петровна прибыла наконецъ въ Екатериненталь, подъ самый Ревель. Все путешествіе продолжалось слишкомъ десять дней (нынѣ доѣзжаютъ туда изъ Петербурга съ небольшимъ въдесять часовъ). На встрѣчу ей выѣхали верхами Черноголовые, т. е. дружина молодыхъ купцовъ и прикащиковъ, въ голубыхъ кафтанахъ, падевыхъ курткахъ и черныхъ съ перьями шляпахъ; они привѣтствовали ее и сопровождали до Екатериненталья ²⁾, гдѣ стали въ шеренгу и послѣ троекратныхъ выстрѣловъ направилась назадъ въ городъ, откуда явились также къ приему высокихъ гостей члены магистрата и большой гильдии. На другой день представлялось съѣхавшееся въ Ревель Эстлянд-

¹⁾ Слѣдовательно, слухи о неладахъ между молодыми супругами распространились уже на второй годъ ихъ брака.

²⁾ Ѣдучи изъ Петербурга по Нарвской дорогѣ сначала привѣзжали въ Екатериненталь, который составляетъ нынѣ какъ бы предмѣстье возвышающагося за нимъ Ревеля,

ское рыцарство, и ландратъ Стакельбергъ-фонъ-Мейнгофъ произнесъ краткія, хорошо сочиненныя рѣчи, которыми особо привѣтствовала Императрицу, великаго князя и великую княгиню. Этотъ ученый и благоразумный свѣтскій человѣкъ пользовался отличнымъ почетомъ, а равно и его супруга, которую Императрица обняла и поцѣловала. При этомъ случаѣ бывшій совѣтникъ правленія Бревернъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а проживавшій у себя въ имѣніи камергеръ Цѣге вызванъ ко двору.

13-го Юлія ст. стили Елисавета Петровна, въ нарядѣ Амазонки, поѣхала верхомъ въ городъ, въ сопровожденіи великаго князя и великой княгини. Съ валовъ крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы. Чтобы заманить любопытство зрителей, она показывалась то впереди, то въ серединѣ, то позади окружавшей ея толпы всадниковъ. Придворные отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ, и между ними особенно выдавалось богатыми уборами Эстляндское дворянство, большая часть котораго была тутъ на лицо. Не показывались или уѣхали домой только тѣ, кому приходилось задолжать для покрытія расхода на свой нарядъ и обстановку. Жены и дочери дворянства, считавшія себя въ правѣ явиться ко двору и передъ лицомъ Монархини, конечно на-кошеляли долговъ; простые горожанки, пожалуй, брали надъ ними верхъ, потому что Императрица (дочь простолюдинки) нарочно приказывала ихъ почаще приглашать и осыпала ихъ ласками. Иному дворянину пришлось издержать свыше того, что онъ думалъ; но благоразуміе требовало прилаживаться къ случаю (*sich in die Zeit zu schicken*).

Красота Ревеля весьма полюбилась Елисаветѣ Петровнѣ. Она говорила, что у отца ея не дурень былъ вкусъ, и что онъ часто расхваливалъ Ревель и Екатериненталь. Вспомнимъ, что и Николай Павловичъ отзывался про Ревель: мой сѣверный Неаполь.

Рижскій совѣтъ и Ливонское рыцарство также готовились къ приему милостивой своей обладательницы. Ландраты Рижскіе просили вѣстей у капитана Эстляндскихъ рыцарей, Нпрода; тотъ обращался къ великому канцлеру Бестужеву и получилъ въ отвѣтъ: «Намѣренія Ея Величества вѣдомы лишь ей самой». Все было приготовлено для поѣздки въ Ригу, но Елисавета не поѣхала дальше Ревеля. По словамъ Екатерины путешествіе въ Ригу не состоялось вслѣдствіе письма, полученнаго отъ какого-то полоумнаго Лифляндскаго пастора, который предупреждалъ объ опасности, будто бы грозившей на этомъ пути.

17-го Юля ст. стили 1746 г., флотъ изъ 32-хъ военныхъ судовъ, проплыль мимо Ревеля, привѣтствуемый надлежащими выстрѣлами, и направился въ Рогервикъ ¹⁾, куда 18-го числа прослѣдовала Ея Величество со дворомъ и знатнѣйшими лицами изъ дворянства. Но предствити морское сраженіе оказалось тамъ невозможно, за недостаткомъ способнаго вѣтра. Поэтому вицеадмиралъ Кеннеди, командовавшій замѣчательнымъ военнымъ судномъ въ 120 пушекъ, построеннымъ при императрицѣ Аннѣ и носившемъ названіе «Великая Анна», получилъ приказаніе плыть назадъ въ Ревельскую пристань. Государыня возвратилась 20-го числа въ сумерки въ Екатериненталь и 22-го дала тамъ балъ, на которомъ дозволено быть рыцарскому сословію обоюго пола. По словамъ Екатерины комнаты Екатеринентальскаго дворца, гдѣ помѣстилась Елисавета Петровна, были малы, и въ немъ было тѣсно. Въ большой приемной залъ съ утра до ночи, а иногда и за полночь, происходила карточная игра. Тѣснота возмѣщалась палатками, а ужинъ былъ данъ на террасѣ, вокругъ фонтана; но только что появилась Императрица, какъ полилъ дождь. Можно думать, что нынѣшній великолѣпный Екатеринентальскій дворецъ еще не былъ отдѣланъ ²⁾ тогда вполне и отличался отъ находящагося неподалеку въ той же роцѣ стараго царскаго дома лишь большими размѣрами. Екатерина, слишкомъ черезъ сорокъ лѣтъ вспоминая тогдашнее свое пребываніе въ томъ краю, недовольна также тѣмъ, что трудно было ходить отъ крупнаго хряща, который не только кололъ ноги, но портилъ даже

---

¹⁾ Нынѣшній Балтійскій Портъ.

²⁾ Екатеринентальскій дворецъ построенъ на склонѣ приморскаго возвышенія, такъ что со стороны обращенной къ городу онъ въ три яруса, а съ противоположной только въ два. На высотѣ двухъ ярусовъ виднѣются, въ стѣнѣ къ морю, тѣ кирпичи, которые положены самимъ Петромъ Великимъ; а при дворцѣ сохраняется четырехугольный камень съ изящно-сдѣланнымъ вверху государственнымъ гербомъ, а вверху изображеніемъ якоря, обвитаго двумя дельфинами. Въ серединѣ надпись: *Petrus Primus Dei gratia Rossiae imperator ædificare sibi domum jussit hoc loco, quod est Revaliæ. Anno 1718 Julii.* Arch. N. M. MS, т. е. Петръ Первый, Божіею милостію императоръ Россіи, приказалъ построить себѣ домъ въ этомъ мѣстѣ, т. е. въ Ревелѣ 1718 года Юля. Архит. Н. М. MS. Въ томъ же 1718 году, князь Меншиковъ поставилъ превосходный иконостасъ въ соборной Ревельской церкви, въ память рожденія отъ Екатерины царевича Петра Петровича, о чемъ доселѣ гласитъ надпись на иконостасѣ. Тогда же возникла мысль и о коронаціи бывшей подруги кн. Меншикова: на одной иконѣ собора изображена великомученица Екатерина, черты лица которой напоминаютъ будущую императрицу; надъ нею ангелы, и у того изъ нихъ, который держать вѣнокъ, лицо самаго Петра Великаго. Припомнимъ, что 26 Юня этого 1718 года замученъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. П. Б.

деревянную обувь простолюдиновъ. Слишкомъ четыре мѣсяца потомъ у Екатерины болѣли ноги.

Въ тотъ же день, 22 Юля, пополудни, съ великимъ княземъ и великою княгинею, Елисавета Петровна поднялась на приморскую гору Лаксбергъ и оттуда смотрѣла на упражненія флота, представившаго ей высокому вниманію морское сраженіе. Я, говоритъ Эце, все время, отъ начала до конца, находился тоже на горѣ. Пушечные выстрѣлы раздавались словно бой барабана, и вскорѣ дымомъ и паромъ закутался корабль, такъ что ихъ не было видно, и они означались только вылетающимъ изъ нихъ огнемъ. Эхо страшно вторило пушечному грому, а вѣтромъ мало по малу разгоняло тучи дыма.

23-го явились къ Императрицѣ конная дружина Черноголовыхъ, все наличное дворянство и выборные отъ города. Всѣ были допущены къ цалованію руки, и начался выѣздъ, по прежней дорогѣ въ Петербургъ, при двукратномъ пушечномъ выстрѣлѣ съ валовъ и со флота и при колокольномъ звонѣ со всѣхъ городскихъ церквей. Государынѣ хотѣлось подольше воспользоваться хорошею погодою во дворцѣ и его прекрасномъ саду; но отъѣздъ ея былъ ускоренъ прибытіемъ курьеровъ изъ Петербурга по важнымъ дѣламъ и посольствомъ пріѣхавшаго изъ Вѣны барона Претлаха, первая аудіенція котораго происходила въ Рогервикѣ. «Милость и благоволеніе этой доброй повелительницы привлекли къ ней сердца: никого не оставляла она безъ ласковаго поклона. Но дворъ ея на всѣхъ станціяхъ требовалъ множества лошадей, между тѣмъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ передъ жатвою наступило время зимняго посѣва. Это было единственнымъ обремененіемъ для сельскихъ жителей; за поставку же съѣстныхъ припасовъ на всѣхъ остановкахъ платились деньги».

Однажды Государыня отдыхала въ полдень въ палаткѣ, которую для нея разбили въ Екатеринентальскомъ саду. Прибывшіе Голландскіе корабельщипки, въ своеобразномъ нарядѣ своемъ, стали требовать, чтобы ихъ допустили къ прекрасной дочери друга ихъ Питера и хотѣли войти въ палатку. Имъ сказали, что туда никто не смѣетъ входить, даже лица, украшенныя орденовыми лентами. Такую ленту можно купить въ Голландіи за гульденъ, возразили они. Черезъ нѣсколько времени Императрица показалась изъ палатки, и Голландцы были къ ней допущены. Они выразили радость свою, и Государыня протянула имъ руку для поцѣлуя, взяла бокаль и выпила за здоровье ихъ и Голландскихъ штатовъ. Они громко благодарили и сказали, что дадутъ о томъ знать

въ Голландію. Тогда каждому изъ нихъ поднесено по бокалу; каждый выпилъ за здоровье Государыни, которая ушла къ себѣ въ палатку, а Голландцы съ восторженными возгласами направились въ городъ и на свои корабли.

Въ то время—заканчиваетъ Эце свой рассказъ—коренные Русскіе ненавидѣли Нѣмцевъ. Похвальные отзывы добродушной Императрицы становились поперекъ горла высокоомѣрнымъ Русскимъ ея спутникамъ, что обнаружилось образомъ дѣйствій новаго совѣтника мѣстнаго управленія Мелесино (вѣроятно это былъ Иванъ Ивановичъ, впоследствии кураторъ основаннаго Елисаветою Петровной Московскаго университета). Эце увѣряетъ, что Елисавета Петровна проѣзжала по этой странѣ безъ стражи, которая на каждомъ шагу сопровождала ее въ Русскихъ губерніяхъ. Какъ это ты, матушка, ѣдешь здѣсь безъ прикрытія? спросилъ ее нѣкто. «Отецъ мой, отвѣчала она, могъ здѣсь положить каждому на колѣна свою голову. Я также».

Немудрено, что внѣшній порядокъ былъ образцовый: каждый помѣщикъ былъ полицмейстеромъ, да еще какимъ! Съ постоянными вислицами, которыхъ слѣды исчезли лишь въ наши дни. Назначеніе въ Ревель инородца Мелесино (какъ потомъ назначеніе Ирландца-католика графа Броуна генераль-губернаторомъ въ Ригѣ) уже было шагомъ къ сокращенію власти Ревельскаго дворянства и къ измѣненію того быта, при которомъ большинство тамошняго населенія, «лежавшее въ пыли, лобзало рыцарскую шпору». П. Б.